

РЕФЛЕКСИРУЯ ПРОБЛЕМУ

ГРИГОРИЙ ТУЛЬЧИНСКИЙ

Как становится ясным при ознакомлении с текстами коллег, все они видят в подозрении исходный импульс к познанию и философствованию. Несомненно, это так. Именно склонностью подозревать неистинное отличаются наука и философия от искусства, творящего мир образом и, тем более, от религии, основанной на вере в истинность откровения, высшую реальность, путь которой открывается в следовании ритуалу. Неслучайно всякий фундаментализм претендует на укрепление «социальных скреп», разъедаемых сомнением, рефлексией... И вина при этом возлагается на философов и прочих ученых-«нигилистов».

При этом напрочь забывается, что углубление знания — не губительно для морали и нравственности. Наоборот — оно расширяет и углубляет сферу ответственности, понимания возможностей влияния на происходящее. В этом плане рациональное знание — не что иное, как мера свободы и ответственности.

Но это — теоретико-познавательная сторона вопроса о подозрении. Ученый, как и хороший детектив, не слишком доверяет реальности, стремится обнаружить за ней воздействие сил, причинно-следственные связи.

Однако есть еще и социальное проявление подозрительности. При всей способности к рефлексии и глубине этой рефлексии, она невозможна без самосознания, базовой идентичности личности, той позиции, точки зрения, которая задает ракурс видения и осмысления. Человек — существо конечное. Ему не дана возможность полноты знания всего бесконечного разнообразия мира. Поэтому он, сознательно или бессознательно, занимает такую позицию. Более того, будучи существом социальным, он эту позицию находит среди других позиций, ориентируясь на них, разделяя чьи-то мнения, суждения, убеждения. Без этого он не может стать личностью — носителем сознания и самосознания.

Замечательный пример из «Хроник Нарнии» привела Е.В. Золотухина-Аболина. Тотальные недоверие и подозрительность не только разрушают, разъедают социальные ткани, но и не дают им образоваться. В результате и личность оказывается в самоизоляции, обрастая коростой негативистских установок по отношению к окружающему миру, другим людям. А чтобы этого не произошло, я должен довериться кому-то, открыться ему. В этом заключается не только и не столько драма, сколько счастье человеческого существования.

ЕЛЕНА ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА

Отклики на тексты, написанные коллегами — самая интересная часть рассмотрения избранной для обсуждения темы, потому что это, собственно, и есть дискуссия, соотношение мнений, а, может, быть и спор.

Прежде всего, я хочу выразить признательность В.И. Пржиленскому за то, что он предложил тему подозрительности для обсуждения и осуществил в своей статье некую метарефлексию по поводу избранного сюжета. Именно *метарефлексию* в силу того, что те авторы, на которых он опирается, сами уже занимались рефлексией на тему нашего недоверия интеллектуальному, социальному, культурному миру, да и реальности вообще. В статье В.И. Пржиленского содержится эвристически ценный обзор позиций, позволяющий тем, кто идет вслед за его текстом, видеть разные направления в исследовании темы и искать новые возможности ее изучения.

Для меня очень интересна статья Г.Л. Тульчинского, в особенности, мысль о том, что подозрительность «к чужим» имеет оборотной стороной доверие к «своим» и служит механизмом, консолидирующим группу. Впрочем, если развивать эту тему, то можно увидеть, как подозрительность, возрастая, начинает выделять из когорты «своих» все большее количество «чужих», которые подлежат гонениям. Именно это происходило в нашей стране в сталинский период, когда широко насаждалась подозрительность «к своим», предположительно выступавшим в роли агентов «чужих».

Весьма востребованным временем представляется мне и анализ Г.Л. Тульчинским современного российского состояния «всеобщей подозрительности», основанной, вообще-то говоря, на не особенно скрываемой массовой лжи. Эта небезосновательная подозрительность существует как в экономических и социальных отношениях, так и в «сетях Интернет», где пользователи, скрываясь за «никами» и масками радостно «троллят» друг друга. И всегда возможен вопрос: а не ближайший ли твой товарищ скрыт за какой-нибудь монструозной аватаркой, или, напротив, за образом как будто влюбленного в тебя существа? Однако сетевые игры такого рода, видимо, чем-то привлекают людей. Быть может, дают им чувство интриги, загадочности отношений и возможность проявить собственную догадливость? Во всяком случае, в отличие от области экономики, в электронном «конкурсе недоверия» граждане участвуют по собственной воле. Возможно, подозрительность вообще не является здесь подозрительностью в полном смысле слова, а лишь элементом игры, имитации, шекотанием нервов, и потому здесь нет тяжеловесности и серьезности настоящей «филиппонии».

Что касается статьи Е.А. Сергодеевой, то я несколько иначе, чем она, вижу место подозрительности в культуре западного постмодерна, не вижу ни роста подозрительности, ни роста рефлексивности. Мне кажется, что, поскольку здесь отсутствует коллективно-разделяемое представление об истине и реальности, то трудно переживать по поводу того, что нам демонстрируют вместо него «обманку». Для постмодерна и постмодернизма (как его части) все тренды равны, все мнения хороши, среди них нет «истинного» и «неистинного», потому и нет подозрения в обмане. Сама фантастически раздувшаяся политическая и нравственная толерантность говорит о том, что никого ни в чем не надо подозревать: все молодцы, что бы ни творили (если, конечно, не задеты прямые интересы властных центров). Как можно подозревать кого-то в скрытом аморализме, если можно все и все выставлено напоказ?

Точно также мне представляется, что рефлексия в наши дни отнюдь не возрастает, а, скорее, идет на спад. Даже у интеллектуалов, не говоря уж о массах, которые, по выражению Ж. Бодрийяра, «все поглощают и всегда молчат» как черная дыра. Любая продукция СМИ проглатывается без всяких подозрений: сегодня одна, завтра другая, послезавтра третья... И на долю подозрительных, въедливых, строгих аналитиков остаются лишь крохотные культурные островки, да и результаты этой придирчивой аналитики никем не востребованы. Полагаю, главная драма современной культуры состоит именно в этом.

В целом же я признательна коллегам за мнения и идеи, которые будят мысль.

ВЛАДИМИР ПРЖИЛЕНСКИЙ

Чем же, в конечном счете, является подозрение для философии? Вечным ее спутником или временным попутчиком? Легкими крыльями или тяжкими оковами? А может быть это и есть философия в том самом изначальном состоянии, когда ее еще не успели высушить и разложить на части по законам теоретического или систематического мышления? Или, быть может, рассуждающее подозрение — это всего лишь имитация подлинной философии?

Вопросы так и остаются без ответов, исследование продолжается, подозрения остаются. В ходе дискуссии стало ясно одно — тема подозрения позволяет ставить вопросы о связи философского и нефилософского, о взаимном переходе этих, с позволения сказать, субстанций друг в друга, их взаимной имитации друг другом. Тексты Е.В. Золотухиной-Аболиной и Г.Л. Тульчинского окончательно убедили меня в том, что подозрение относительно бытия и реальности стоит у истоков не только философии, но и первобытного мифа, современной науки, «политического, финансового, административного

менеджмента». Активное привлечение ими психологических, социологических и политологических ресурсов позволило увидеть в подозрении некую вездесущую, но трудноуловимую стихию, способную активизировать сознание, но не призванную управлять человеком и обществом. Более того, стали очевидны и те опасности, которые несет нам эта стихия.

Исследование Е.А. Сергодеевой, так же как и мое собственное, было направлено на поиски проявлений особой подозрительности в современной философии и связи этого феномена с изменениями в обществе. Как будто бы философы, будучи родоначальниками в этого рода искусстве, стали осознанно или неосознанно, но достаточно активно заимствовать приемы и методы у своих «нефилософских» современников. Воистину прав был Гегель, когда говорил, что философия — это эпоха, схваченная в мысли. Обсуждение показало, что исследование подозрения только начинается. А его проявления, как в системах мысли, так и в системах действий таят в себе ответы на многие волнующие нас вопросы. Хочу выразить свою благодарность всем участникам дискуссии.